

Реалити-шоу «Жизнь в садах и полях» завершило сезон в атмосфере всеобщего «благолепия».

Даже понимая, что режиссер специально расставил ловушки, участники не обижались — просто в шутку поколотили его, ведь историю-то они дослушали лишь наполовину.

Финал сезона получился уникальным: обычно в конце все изображают щемящую грусть и пускаются в ностальгию, но здесь титры пошли под коллективную «потасовку» с режиссером.

Впрочем, зрители, посмотрев выпуск, в один голос заявили: «Так ему и надо!» Шутка ли — выпустить заправку, бросить людей на самом интересном месте и объявить, что в истории целых тринадцать глав? Да их и за следующий сезон не факт что успеют рассказать!

Закончив с шоу, Ци Шэцзян официально приступил к работе над фильмом «Парная пряжка». Начался этап интенсивных тренингов. Танг Шуанцинь составил плотный график: были и лекции по культуре, и профильные занятия. Кто-то из актеров пришел из кино, кто-то — из оперы, а кто-то, как Ци, был «темной лошадкой».

Бяньской оперой Ци Шэцзян занимался вместе с группой под руководством самой Ло Ся и ее ассистентов. Отдельно обсуждали цяогун (искусство хождения на «деревянных копытцах»). Как уже говорилось, эту технику придумали актеры пекинской оперы, но из-за невероятной популярности она перекочевала и в бяньскую. Сяо Иньюэ в своей коронной роли в «Рыбе, ищущей любви» обязательно использовал цяогун.

Проблема в том, что цяогун — это дьявольски сложно. В норме на освоение уходит три-четыре года. Режиссеру советовали взять дублера и скрыть подмену монтажом, тем более у Ци была база, и он бы не провалился. Но Танг Шуанцинь был перфекционистом. Он хотел, чтобы Ци хотя бы попробовал.

К удивлению режиссера и Ло Ся, Ци Шэцзян согласился мгновенно, будто сам того и ждал. За два месяца пройти путь, на который у других уходят годы... Не просто научиться стоять, а двигаться грациозно — задача почти невыполнимая и невероятно болезненная. Танг Шуанцинь довольно потер руки: ему нравилось работать с такими же фанатиками, как он сам.

В первый день Ци спел для Ло Ся. Полмесяца ежедневных репетиций дали плоды — госпожа была в восторге. В их деле наличие наставника решает всё, и профессиональные советы Ло Ся помогли Ци взглянуть на свои навыки под новым углом.

Затем настала очередь «копытц». Ученица Ло Ся принесла реквизит.

— Чтобы уверенно стоять на цяо, нужно правильно наложить обмотки, — пояснила она.

Сейчас цяогун редкость, его возрождают лишь в отдельных постановках для пущей зрелищности. Девушка удивилась: Ци орудовал бинтами очень ловко. Видно было, что опыта не хватает, но теорию он знал назубь.

«Красивый, да еще и такой старательный... точно наш человек», — подумала она, окончательно став его фанаткой.

Ци Шэцзян не раз видел это за кулисами в прошлом. Деревянное «копытце» имитировало женскую ножку — «золотой лотос» длиной всего около 10 см. Стопа приматывается к деревянной основе так, что пальцы смотрят строго вниз. Актер фактически стоит на цыпочках,

пятка висит в воздухе, а нога от голени до кончиков пальцев вытянута в прямую линию.

На сцене поверх надеваются специальные туфельки, которые вместе с шароварами скрывают конструкцию. Но Ци пока тренировался «голышом». Не зря цяогун называют «восточным балетом», хотя страданий тут побольше — раз надев, снять их можно только после выступления.

Как только Ци встал на цяо, пронзительная боль в пальцах заставила его вцепиться в стену. Он глубоко задышал. Через несколько минут пот лил с него градом, намочив челку. Он слышал от Сяо Иньюэ, как тот мучился в ученичестве, но личный опыт — совсем другое дело.

А ведь стояние — это только начало. Стоило сделать шаг, как боль от напряжения передалась по натянутым связкам выше — в икры, в бедра, в поясницу. Спина стала мокрой. Только закалка и стиснутые зубы позволяли ему держаться.

Ло Ся наблюдала со стороны. В первый раз он продержался пятнадцать минут — дольше, чем она ожидала от взрослого человека, ранее не практиковавшего цяо. Это был этап «измора» (хаоцяо). В слове «измор» — вся суть тренировки. Мастерство вытачивается через боль. Она лишь надеялась, что Ци «выточит» технику раньше, чем она его окончательно измотает.

Спустя несколько дней Ци заметно осунулся. Ноги опухли так, что болели, даже когда он был без цяо.

Танг Шуанцин, увидев его, нахмурился: — Так дело не пойдет.

Ло Ся внутренне согласилась: Ци слишком рвал жилы. Чтобы сэкономить время, он умудрялся репетировать оперные партии прямо на «копытцах». Такой фанатизм редко встретишь даже у профи.

— Если ты так похудеешь, в гриме будешь выглядеть плохо, — меланхолично добавил Танг.

Ло Ся возмутилась: — Это всё, что вас беспокоит?!

Но в опере это закон: слишком худое лицо в гриме с накладками на висках кажется еще меньше и невзрачнее.

Ци не обиделся: — Вы правы. Сяо Иньюэ был статным красавцем. С сегодняшнего дня увеличиваю рацион.

Танг кивнул и отошел. Он был требователен ко всем.

Ци как-то слышал, как режиссер пытал другого актера: «Можешь сделать взгляд таким, будто ты обожаешь читать "Цзинь Пин Мэй"? Не "Монаха на конопляной подстилке", а именно "Цзинь Пин Мэй"!»

Бедный актер не знал, плакать ему или смеяться от таких тонкостей.

Сегодня Ци должен был посетить лекцию историка, приглашенного Тангом, чтобы актеры лучше понимали атмосферу пекинских богемных кругов начала XX века. Собрались все, у кого была хоть какая-то роль. Ци сел в середине.

Вскоре вошли двое мужчин в длинных халатах — высокий и низкий, комичная пара. Видимо, те, кто играет артистов сяншэна. В фильме должны были появиться два реальных мастера того времени. Ци их не застал, но Сяо Иньюэ писал ему об их таланте. В те времена, чтобы прославиться в жанре сяншэна, нужно было покорить и Тяньцзинь (колыбель жанра), и Пекин (столицу талантов). Именно поэтому Сяо Иньюэ звал Ци в столицу, но тот тогда остался верен своей школе в провинции.

Пока Ци витал в облаках, двое актеров подсели к нему.

Высокий улыбнулся: — Здравствуйте, учитель. Мы огляделись — похоже, вы тут единственный коллега.

— Здравствуйте. Можно просто Джесси, — Ци пожал им руки.

Высокого звали Мо Шэн, а низкого — Ци Лэян (однофамилец).

Оба были студентами училища искусств, их выбрали за типажное сходство с мастерами прошлого. Роли у них были небольшие — если Ци был «номером три» в списке актеров, то они — где-то в районе тринадцатого. Им оставался год до выпуска, они не проходили через систему традиционного ученичества и не имели громких имен в кругах сяншэна, поэтому к Ци относились без предубеждения, скорее с любопытством.

Лекция длилась два часа, после чего историка окружила толпа с вопросами.

Танг Шуанцинь, незаметно появившийся в зале, подошел к Мо Шэну и Ци Лэяну.

— Ну что, сколько заработали?

Парни смущенно опустили головы: — Почти... почти ничего.

— «Почти ничего» — это сколько? — допытывался режиссер.

— Пятьдесят с небольшим юаней... — промямлил Мо Шэн. — Режиссер, мы честно старались, но люди просто не хотят платить...

Ци Шэцзян удивился: — О каких деньгах речь?

Танг кивком велел парням объяснить. Оказалось, Танг не давал им лекций. Он выдал им халаты и отправил в городской парк «выступать на земле» (ляоди). Сказал: пока не заработаете 5000 юаней честным трудом, к съемкам не допущу. Он хотел, чтобы они прочувствовали шкуру уличных артистов прошлого, которые буквально «рисовали котел» на земле, чтобы заработать на обед. Им не хватало той просоленной ветром и солнцем тертости, которая была у мастеров.

Парни были не робкого десятка, они честно таскали складной стол в парк, но за несколько дней не заработали даже на чай и проезд.

Танг вздохнул: — Так дело не пойдет. В старые времена вы бы уже с голоду подошли. Надо найти наставника, чтобы научил вас жизни.

Ци Шэцзян, стоявший рядом, улыбнулся: — Танг-дао, а давайте я их научу? В училище искусств не учат, как выманить монету из кармана, а мой наставник этому учил.

В прошлом умение собрать деньги после выступления называлось чумэньцзы. Это было едва ли не важнее самого мастерства. Говорили так: «чумэньцзы — это золото, зачин — серебро, а сама история — медь». Если ты крутой артист, но не умеешь открыть кошелек зрителя, ты уйдешь голодным. Сейчас, в эпоху билетов и концертных залов, этот навык утрачен.

Танг Шуанцинь вскинул брови. Точно, Ло Ся говорила, что у Ци был учитель «старой закалки».

— Ну... попробуешь заменить наставника?

— Выкрою время по утрам, потренирую их пару раз. Главное, чтобы «просветление» снизошло.

Мо Шэн и Ци Лэян смотрели на него в полном шоке: — Но, Джесси... учитель... посмотрите на себя. Если вы выйдете с нами в парк, нас же толпа фанатов снесет!

Это было правдой. Ци был слишком узнаваем.

Танг Шуанцинь махнул рукой: — Ерунда. Загримирuem. — Он еще раз посмотрел на Ци и вздохнул: — Эх, всё-таки ты слишком хорош собой.

Ци на автомате выдал реплику: — Вы же сами меня за это и выбрали.

Танг расхохотался: — Ну ты и остряк!

Ци сделал невинное лицо. Какой же комик без острого языка?

На следующее утро перед выходом в парк гример поработал над Ци: кожу сделали смуглее, изменили форму бровей, надели очки и прикрыли лоб челкой. Он стал выглядеть заметно обыденнее.

Парк, куда они отправились, был известным местом сбора пожилых людей. Старики тренировались, старушки обсуждали покупки, кто-то выгуливал собак или птиц в клетках. Конкуренция была жесткая: тут и оперу пели бесплатно, и на мечях махали. Ци огляделся, анализируя «контингент». В груди шевельнулось странное чувство — это был первый раз в новой жизни, когда он снова выходил «на землю».

— Учитель Джесси, мы пробовали говорить фразы для сбора денег, но люди уходят раньше, чем мы заканчиваем, — пожаловался Мо Шэн.

Ци не стал возражать против обращения «учитель» — он собирался преподать им урок, который раньше стоил бы им лет служения мастеру.

Выступление на земле — это высший экзамен. Как привлечь, как удержать, как заставить заплатить.

— Если люди уходят — значит, вы их не «зацепили». Мастер экстра-класса держит толпу до последнего слова. Если мастер среднего уровня — он должен быть гибким: обрывать историю на самом интересном месте для сбора денег или сыпать короткими шутками. А вы пытаетесь читать академические тридцатиминутные куски.

— Давайте так: сегодня я поработаю «пэнгуэнем» (напарником) у Мо Шэна, а вы смотрите, — решил Ци.

— Хорошо. Сначала надо позвать народ, — пролепетал Мо Шэн. — Обычно мы пели или имитировали оперу, но на нас смотрели меньше, чем на игроков в шахматы.

«Зазвать народ» — это первый шаг. В старину для этого использовали «Песни великого спокойствия» (тайпин гэцы).

— Оперу? — Ци усмехнулся. — Ну, хоть сообразили, что тут много стариков. Но есть и другие способы.

Ци встал за принесенный стол, еще раз обвел взглядом владельцев собак и птиц и улыбнулся. У него созрел план.

Он открыл рот и выдал: «У-вав-вав-вав-вав-вав!»

Это была серия настолько идеальных и яростных собачьих криков, что их невозможно было отличить от настоящих. В радиусе ста метров все птицы в клетках на плечах дедов всполошились и заверещали. Собаки, которых выгуливали неподалеку, наострили уши и с диким любопытством потащили хозяев к источнику звука.

Через мгновение все владельцы птиц вытягивали шеи, а владельцев собак просто приволокли к столу их собственные питомцы! Даже те, у кого не было животных, сбегались посмотреть на такой переполох. Меньше чем за минуту перед ними стояла толпа в несколько десятков человек.

Мо Шэн: «.....»

Ци Лэян: «.....»

Оба стояли как громом пораженные. «Учитель» явно не слишком заботился о своем имидже «айдола»...

В искусстве сяньшэна «имитация» включает в себя чревовещание и звукоподражание. Парни тоже этому учились, но им и в голову не приходило, что это можно использовать так... нагло и эффективно!

<http://bllate.org/book/17028/1585753>